

Наталья Пряникова

Сахарница

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84
П85

Пряникова Н.

Сахарница / Н. Пряникова — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2020. — 180 с.

ISBN 978-5-532-04353-4

Сборник юмористических рассказов "Сахарница" - воспоминания автора о детстве в северном военном городке, смешных казусах, произошедших с родителями, родственниками и друзьями. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04353-4

© Пряникова Н., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Сахарница

Когда мне было лет 6–7, мама купила в «Юбилейном» сахарницу. Для конца XX века она выглядела вполне оригинально, особенно в наших краях. Прибежав с улицы домой, я, обычно не проявлявшая интереса к посуде, как и все нормальные дети, увидела такую красоту на столе и сначала замолчала, потом закричала:

– Ого-го-го!!!

И восхищенно прилипла к ней, долго рассматривала, боясь дотронуться. Мне казалось, это самая красивая вещь на свете и каким-то невероятным везением она досталась нам. Я спросила маму затаив дыхание, не веря в возможность такого счастья:

– Ты подаришь мне ее когда я выйду замуж?

Мама засмеялась и заверила меня, что отдаст мне все, что мне захочется. И каждый раз, когда мы пили чай, я разглядывала сахарницу и думала, что потом я возьму ее себе и мой муж упадет в обморок, когда увидит такое богатство, и скажет:

– Что же ты молчала, что ты наследница с такой великолепной сахарницей!

И у всех, кто пил чай в нашем доме, всегда взгляд застревал на ней, и все замечали, какая у вас мол красивая сахарница. А мы жили на севере, где чай пьют по шесть стаканов десять раз в день, так что никто там не понимает что смешного, что Фрося Бурлакова заказала семь стаканов чаю, а сколько же их заказывать. А сахарница была центром этих церемоний.

И когда я выросла и уехала учиться, я приезжала к маме, и на столе меня встречала эта сахарница. Когда мы уезжали, мы взяли ее с собой, и она появилась на столе в новой квартире как вещь первой необходимости, раньше диванов, чтобы был чай, чтобы был дом. И когда я снова уехала жить в свой дом, приезжая к маме в любое время суток, хоть ночью – сначала видела свет на кухне (мама встала приготовить чай), потом чай с сахарницей на столе. Часто мама со смехом напоминала:

– Помнишь, как собиралась приданое-то себе взять?

А я говорила, что когда-нибудь возьму, но пусть пока здесь, с тобой, так хорошо.

И вот в пустой маминной квартире я увидела на столе пластиковую банку с сахаром. А сахарница заботливо убрана в шкаф. Ведь когда я приеду, буду так рада пить чай с сахарницей, которая мне так нравилась в детстве.

Трудности перевода

В 70-х в глухой северной деревне еще не было электричества и автобусов. А лес, чугунные утюги и волки зимой были. Однажды из подъехавшей телеги выпрыгнула восемнадцатилетняя девчонка в модном белом пальто, белом берете и белых сапожках на каблуках. До этого в деревне ничего моднее валенок с отворотами не видели, поэтому все сбежались посмотреть на нового фельдшера, прибывшего из далеких краев.

Деревенские очень скоро привыкли к «новой врачихе», которую звали просто Надюхой. Она тоже привыкла к местным нравам. Например, здесь не было ни заборов, ни замков на дверях.

– А пошто? – недоумевало население. – Вона палку поставь у двери, знач неть хозяев.

Кому же придет в голову заходить в дом, в котором никого нет?

Также местный народ совершенно не давал работать, заставляя фельдшера при вызове гонять чай, пока не лопнешь. Вопрос «Чай будешь?» там не существовал вообще. Как и понятие «забежать на минуточку». Переступая порог дома, каждый автоматически попадал за стол. И только отдав дань церемонии чаепития, выпив не меньше шести стаканов, гость мог откланяться.

При первом посещении больного, мама, которая тогда еще не была мамой, а была просто Надюхой, пыталась отбиваться от гостеприимных хозяев с чаем, но те просто не понимали, о чем говорит этот человек. Никогда раньше они не слышали, чтобы отрицание и “чай” употребляли в одном предложении. Поэтому они просто улыбались и наливали маме чай, толкая ее в направлении стола.

– Ну хорошо, только одну чашку.

– А? Сколько? Одну чего?

Новый фельдшер сразу поняла, что чай пить придется, и нет никаких путей к отступлению. Пришлось научиться пить быстро, обжигаясь, и попутно спрашивать о жалобах. Но это оказалось еще труднее, чем отказаться от чая.

Когда, напившись чаю до одури, что у нее булькало в животе, мама приступала к осмотру, все пациенты говорили одни и те же непонятные слова:

– Ох, милая, кося коснит.

Она растерянно переспрашивала:

– Что?

Больные повторяли по несколько раз, на всякий случай громко крича в ухо фельдшеру (мож, глухая), но она все равно не могла понять, что за странная неизвестная болезнь поразила всех этих людей. Перерыв Справочник Фельдшера, она не нашла ничего подобного. А северяне стали сомневаться в компетенции нового врача, который таких элементарных симптомов не знает. По деревне шептались:

– Ох, сердешная, чему их тама учуть только, ничаво не знат.

Мама плакала украдкой, но не сдавалась.

Как-то шла она по деревне и услышала ругань у одного дома:

– Ах ты пес, глянь-ко, кося исть не хоч.

Фельдшер подскочила к хозяйке, которая кормила собаку на улице, и, схватив ее за ворот, стала трясти и кричать:

– Что ты сейчас сказала? Что это? Покажи! Что за кося, чтоб они сдохли.

Женщина испугалась ополоумевшую врачиху, но на всякий случай, улыбаясь как можно приветливее, успокаивающим голосом произнесла:

– Да ты што, милая, косьев не видала? Вона они, моя шельма исть не хочет.

Мама посмотрела на кость, лежащую перед собакой, которая с интересом наблюдала за ней, виновато виляя хвостиком, и надеясь, что не она причина нападения на ее хозяйку.

– Так это что, кости, что ли? Косья ваши – это кости??? Тогда что такое “коснит”, а?

Женщина недоумевающе смотрела на странную новую фельдшерицу, которую (слава богу), ей пока вызывать не приходилось, и думала:

– Откуль она приехала, с Турции што ль.

А вслух сказала:

– Ну как, коснит – знач коснит.

Мама взвизгнула:

– Синоним скажи, синоним!!!

Хозяйка отшатнулась:

– Какой те ешо аноним, ты што? Ну што ты, милая, ну коснит. Коснит. Понимаш? Ну вот я тебе счас стукну по ноге и будет коснить. Поняла?

Мама вздрогнула при слове «стукну», но на что не пойдешь ради знаний. В ходе длительных переговоров этих двух цивилизаций было выяснено, что коснит – значит, ломит.

С этих пор проблем в коммуникации не было, и мама спокойно выполняла свою работу, пока не появился мой папа, который тогда еще не был папой, а был просто Мишкой. Он не стал долго думать, как подойти к маме: ясное дело, путь к сердцу медика лежит через болезнь.

Когда на мамином пороге появился какой-то парень и сказал:

– У меня тут это... Косья коснит, в общем, – она долго то ли смеялась, то ли плакала, заронив тень сомнения в его сердце (мож, лучше ну ее, кто ее знает). Хорошо, что это была только тень, иначе мое будущее рождение оказалось бы под угрозой.

Папа стал так часто обращаться за медпомощью, что его мама совсем потеряла сон. Ранним утром она заваривала ему травы и ягоды и клала на лоб компресс из мокрыжника . Но болезный, не успев позавтракать, убегал за рецептом на порошки от нового недуга, которые стали поражать его молодое тело каждый божий день. Бабушка бежала за сыночком с плоской морошки и кричала вслед:

– Сынок, полежи, куды ты больной-то.

Но папа очень торопился за порошками, которые только и помогают от его хворей.

Все-таки лекарства помогли, и папа выздоровел, а бабушка узнала, что скоро свадьба, и была рада, что папа успел вылечиться до такого важного события.

Жениху и невесте пригнали нарядную телегу, в которой они тряслись часа два до города и сильно запылились. А потом карета застряла в канаве, а они, нарядные, пытались ее вытолкать из болота. Мимо проезжал грузовик с бревнами. Водитель остановился, узнал в невесте фельдшера, которая недавно принимала роды у его жены, сообщил, что младенца назвали Надюхой, и довез до самого ЗАГСа.

По пути у мамы ветром унесло фату, и она плакала, что будет выходить замуж простоволосой, а папа с водителем успокаивали ее, что никто на нее вообще смотреть не будет, но она почему-то плакала еще громче.

Еще неделю кто-то ждал эти бревна, так как свадьба в деревне – дело долгое.

Я приехала в эту деревню уже лет в семь, на похороны бабушки. Меня очень удивило, что так далеко в лесу маму знают абсолютно все. И каждый вспоминает, кому она что сделала. Я слушала и не верила, что мама столько всего натворила. Даже кому-то ногу отрезала, но их это как будто и не беспокоит, – радуются, обнимаются. А когда недавно папа отпилил ножку у стола, мама так не радовалась.

Рыба

Папа был лесником. Уйти на месяц в лес, жить в землянке, зимовать «на хандоге», то есть на озере, и ловить рыбу, подарить маленькой дочке медвежий клык и обойму пустых патронов – все это было естественным порядком вещей.

Рыба у нас вообще была повсюду. Особенно, в ванной. Ну а куда же девать рыбу, которая живая доехала в папином рюкзаке, как вы думаете? Поэтому, бывало, когда я приходила из школы, а мама с работы, мы заходили в ванную помыть руки и видели, что там уже занято щуками, карасями, окунями и прочими хладнокровными. Ясное дело, в квартире номер 36 очередной раз открывался дельфинарий для всего двора. На мамин «плач Ярославны» – «Ну дай хоть помыться, изверг!» – папа выражал изумленное негодование:

– Да вы не мылись что ль?! Вам бы только мыться каждый месяц! А рыба где должна быть?

Мама делала большие глаза и выразительно молчала, всем видом демонстрируя, где место этой рыбе и вообще всей рыбе на планете. Я тоже прыгала вокруг них и вопила:

– Ну мамочка, ну пожалуйста! Мы можем мыться на кухне в раковине, пусть рыбка у нас останется!

Мама покидала место побоища с видом полководца, не сложившего оружие, и вынашивающего коварный план. И отправляя нас в выходной сладким голоском погулять подольше, встречала столом, поражающим изобилием блюд из рыбы. Папа вздыхал и садился за стол, а я, наивная, бежала в ванную поздороваться с Машей и Федей.

Нет, вы не подумайте, нормальное у меня было детство. Приходя из школы, я первым делом кормила крошками окуней в ванне, а гуляя на улице и увидев папу, который с таинственным видом крался домой, знала, что он несет за пазухой что-то интересное.

Однажды это был зайчонок:

– Вот, дочка, лес валили, а он выскочил, сдохнет.

Нет, не сдохнет, ведь ему попался папа, который принес его домой, и мы сделали ему дом в ящике. А ночью он будил весь дом барабанной дробью по доске. Папа с уважением говорил:

– Слышь, своих зовет.

А мама... Не буду повторять, что говорила мама. Нет, мы не ели зайчатину... Заяц ушел жить к кроликам, которых разводил папин друг. И нарожал много зайце-крольчат.

Я и мои друзья были детьми рабоче-крестьянского класса, которые ели икру из трехлитровой банки столовой ложкой. Столько было рыбы, мы ничего не могли поделать. Иногда папа подзывал меня и говорил:

– Найди-ка, Наташка, банку побольше. И мне не надо было объяснять – зачем. Всю рыбу, которую папа поймал, мы отпускали в местное озеро. А мы стояли на берегу и смотрели, как одуревшие от счастья караси уносятся от не менее одуревших местных ротанов.

Папа жалел меня, городского ребенка. И в спорах с мамой, на напоминание, что у него дочка, девочка, де-во-чка:

– Да знаю я. Бедный ребенок даже медведя не видел.

Мама хваталась за сердце и пила валерьянку, а потом требовала поклясться всей рыбой и всеми ёлками на земле, что папа не станет показывать мне медведя. Папа опускал глаза, и ковыряя носком сапога паркет, бормотал:

– Да что уж там, так если только, случайно попадется...

– Кто случайно попадется???

– Да не, никто...

Нет, конечно, мы не говорили, что папа брал меня однажды в лес. Нее, не далеко, не туда, где тайга, а поближе. Зачем же мы будем маму расстраивать. Хватит с нее и того, что еедочурка, которую мама наряжает в платья собственного пошива, а потом заплетает косички с прелестными бантиками, после всего этого вешает на шею медвежий клык на шнурке и с грозным видом предупреждает, что «возьмет логатину», если кто-то посмеет ей предложить его снять.

Для мамы было достаточно и того, что у папы целый город друзей. Друзей, у которых то дом строится, то жена рождает, то нога ломается. И все это не может происходить без папы. Его могло не